

Маски
любви
и смерти

О. Странник

Маски любви и смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724354

ISBN 9785448566615

Аннотация

Конец 80-ых, страна накануне больших перемен. Весёлая божемная компания студентов СПб Академии художеств, актёров и кинематографистов ищут свои пути в стремительно меняющейся жизни. Приключения, легенды, кладоискатели, цыгане, коллекционеры и их сложные отношения на фоне драматической истории любви с открытым финалом в мистическом городе Санкт-Петербурге.

Содержание

1. Натурщики и призраки	5
2. Маски и пляски	16
3. Кладоискатель и мистификация	31
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Маски любви и смерти

О. Странник

© О. Странник, 2017

ISBN 978-5-4485-6661-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Натурщики и призраки

Был слышен только лишь шорох и шелест, иногда потрескивание – это карандаши и мелки шуршали по бумаге, шелестели отбрасываемые листы, потрескивали лампы и электрообогреватели. В одном из помещений Рисовальных классов Академии художеств стояло и сидело на табуретках, подоконниках и просто на полу человек сорок разновозрастных энтузиастов – от седобородых вечных абитуриентов до школьников старших классов, абитуриентов будущих. Были и студенты разных курсов и факультетов Академии, учащиеся Рисовальных классов, а также несколько бомжеватых личностей неопределённого пола и возраста. В центре на помосте обнажённый натурщик каждые 5—7 минут менял позу, и надо было успеть его зарисовать. Всё это называлось «наброски» и происходило по воскресеньям в течение 4-х академических часов. Было не до разговоров, успеть бы ухватить и передать на бумаге «движение», как говорили изредка забегавшие преподаватели. «Ухвати потенциальное движение, пластику, динамику, вектор, передай пропорции, а контур, что контур...» – бормотали они, заглядывая через плечо или под руку в листы, пристроенные на картонках, на коленке или на согнутой руке. «Да не проволоочный контур тяни, как у Билибина, прерывай... прерывай, уходи в объём, а то плоско будет...» – горячился темпераментный

Хижа, ведущий преподаватель нашего курса, похожий на молодого Горького, – «...тень только наметь плоским грифелем, движение, движение передавай...». И вся наша дружная, сосредоточенная толпа тщила и старалась «ухватить и передать» в меру сил и способностей. Пять минут – и поза меняется, лист подворачивается под стопку, шуршит карандаш... сломался-затупился – хватать другой, запасной, так, тень размазать пальцем... взгляд – на модель, на лист, на модель, на лист, рука летает, шуршит грифель... Иногда заглядывает кто-нибудь из преподавателей академического рисунка и понуждает натурщика принимать более сложную позу, чем просто сидеть, отставляя то одну, то другую ногу; для сложных поз имеются длинная палка, стойка и табуретка.

Натурщики и натурщицы время от времени менялись, и делать наброски было легче с возрастных моделей, складчатых, бородавчатых, морщинистых и непропорциональных. Чем уродливее, тем легче, – ухватишь складку, родинку – вот уже и похоже. Один испитой мужичина с бульдожьей физиономией был зело колоритен, но частенько падал с табуретки – то ли спяну, то ли в эпилепсии. Потомственная натурщица Глафира, поседевшая на подиуме и запечатленная для вечности, наверное, десятью поколениями студентов, умудрённая опытом, стоя на подставке, поучала всех в пределах досягаемости своего взгляда:

– Ты не бородавки мои рисуй, а образ дай, а ты, вот ты – возьми сангину, а не уголь...

Была одна девочка лет пятнадцати – ну не за что глазу зацепиться, рельеф сглаженный, грудь едва намечена, ничто тени не отбрасывает, но и рёбра с позвонками не проглядывают, как часто бывает у подростков, одна только текучесть линий, пластика движений – и мало у кого получалось. Пробовали некоторые сангиной, соусом, углём – а что толку, нет рельефа, не схватить объёма, его как бы и нет вовсе, ну, просто силуэт один, только контур получается. Вот по наброскам этой девочки и было видно, кто какой рисовальщик.

Те же натурщики позировали нам и на длительных, рассчитанных на месяц, постановках поясного портрета и обнажённой натуры в полный рост на 3-ем и 4-ом курсах. Тогда нас в группе осталось 12 человек, примерно треть от первоначального состава, остальные отсеялись по неспособности, двое-трое сами ушли.

Наше время – с 19-ти до 23-х, четыре академических часа. Стоял тёмный, мокрый ноябрь... «...а ноябрь не стоял, а длился, свет на утро, вечер и день – не делился, и никто, НИКТО не умел помочь эту длительность превозмочь...» – такие слова звучали у меня в голове. В классе светло и жарко, жужжат многоваттные лампы, пощёлкивают обогреватели. Рядом с моим – мольберт Андрея, летом он опять не поступил на дневное, на будущий год снова будет пытаться, а угрюмый Павел, говорят, уже пять раз неудачно пробовал.

Сегодня делают новую постановку, натурщица – женщина лет 45-ти, плотная, но не рыхлая, позирует обнажённой,

не снимая очков. Почему-то никому это не кажется смешным. Хижа установил свет, очертил подошвы босых ног на туры мелом на подиуме, уточнил позу. Все остро воззрились на модель, зачиркали по туго натянутому ватману осевые и направляющие – как учили. Николай Андреевич повторяет своё знаменитое: «Сначала ремесло в руку получите, а потом уж душой воспаряйте!». Ну, к 4-му курсу оставшиеся после отсева 12 человек ремесло в руку худо-бедно обрели, всяк в меру своих способностей, конечно. И вот по отработанной схеме, у каждого в своём ракурсе появляются контуры, выверяется масштаб, уточняются соотношения и основные объёмы – канонические пропорции Витрувианского человека Леонардо Да Винчи. А дальше намечаются светотеневые соотношения и индивидуальные особенности телосложения нашей Нины Ивановны, которая серьёзно и терпеливо сохраняет неподвижность, на носу блестят очки, они бликуют, и глаз почти не видно. Вот придётся так и рисовать, даже интересно – дополнительная штудия. Каждый по-своему будет «душой воспарять» целый месяц. А кто-то и не будет, нечем воспарять, чем и отличается ремесло от искусства...

У Андрея штрих мелкий, тонкий, невесомый, сходство выступает, как сгущающийся туман, контур пропадает в своеобразном сфумато, исчезающем, как дым – да, это в живописи, но и на карандашном рисунке надо суметь. У Нины – контрастная, размашистая манера; что-то она опаздывает сегодня, хипница... Алёша-мичман щурит-

ся, выверяет пропорции, штрих у него – сухой, точный. Угрюмый Павел экспериментирует со сферическим штрихом, потом подходит ко мне и пытается показать на моём рисунке, на икрах, на ягодицах: «...Вот у Дали так, эллипсами, вот так вот...», – я отгоняю его. Длинный бородатый Цветков старается не «воспарять», а приблизиться к фотографической точности; ушёл вот недавно из семьи, чтобы быт не мешал творчеству, устроился электромонтёром здесь, в Академии, получил доступ в каморку с инвентарём где-то под лестницей, поставил там мольберт – и счастлив! Кажется, и ночует там тайком...

Пожилой Иван Макарыч Панасюк умудряется передавать на бумаге женское тело в виде гипса, наверное, гипсовые головы, что мы рисовали на 2-м курсе, остались пределом его возможностей. Алёна, сама вся как акварель Бакста, отрешилась ото всего, ушла в затягивающую глубину белого листа... Путь от схемы – к творчеству – некое раздвоение сознания и действия – одна часть, рука, штрихует, сопоставляет, соизмеряет; другая – глаза, с изумлением наблюдает волшебство возникновения, всплывания изображения из глубины белого пространства, соткание образа, – подобно тому, как из глубины всплывает русалка... Нет, точнее – как в фотопроявителе (если кто ещё помнит) постепенно проступает картинка, чёрно-белое изображение... Как в мареве пустыни – проступает и сгущается почти до осязаемости – мираж... Чудо творчества! На учебном рисунке? Да, говорит внутренний

голос, да, на любом рисунке.

Кажется, прошло 10—15 минут, но звенит звонок, прошло 2 академических часа, 90 минут. Время – субстанция непостоянная, способно сжиматься и растягиваться... Натурщица накидывает халат, мы выходим в коридор и все как один утыкаемся носами в развешенные по стенам нам в задание рисунки Рембрандта и Леонардо, в очередной раз пытаемся разгадать тайну их мастерства, постичь чудо возникновения изображения из ничего.

Павел бормочет, вращая кистью руки: «...наша аппаратура всегда с нами – глаз-рука, карандаш-бумага и что-то ещё...». Длинный Цветков договаривает: «что-то ещё – это акт творчества...». Андрей, задумчиво: «... акт творчества – это сублимация эротической энергии по Фрейду». Седой Панасюк топорщит усы: «...какой акт творчества? Рядовая обнажённая натура в очках...» Я еле удерживаю реплику, что, раз тебе, Макарыч, это не творчество – так вот гипс, а не живое тело у тебя и получается, но молчание – золото, зачем старика обижать. Он мечтает получить диплом и клянётся рисовать только пейзажики с берёзками, не посягая на портреты.

Звонок. Идём обратно в класс, натурщица допивает свой чай, выпрастывается из кресла и халата, воздвигается на подиум, ставит ступни в меловые контуры, кто-то врубает мощную подсветку, и снова – потрескивание ламп и шуршание грифелей. Обычно на первых сеансах новой постановки

только это и слышно, нам не до разговоров.

Хижа возникает за спинами, кому-то поправляет рисунок, голос его назидателен:

– Не мельтеши в подробностях, бери сначала общО, вот посмотри сквозь прищур, увидишь общее соотношение светов и теней, а они и создают объём... Рисуй не только то, что видишь, но и то, что знаешь...

Подходит ближе, гудит за панасюковской спиной:

– ...они никогда не бывают квадратными, только круглыми... – и тычет карандашом в груди на ватмане, Панасюк бормочет:

– А как же кубисты, Пикассо?

– Фу, кубист нашёлся, ты сначала их круглыми научись рисовать... Перемещается за спину пышной Лены, та добросовестно, закрыв один глаз, карандашом в вытянутой руке проверяет пропорции. Натурщица просит перерыв – передохнуть, спина затекла. Все тоже распрямились, зашевелились; Хижа велит Лене посмотреть на рисунок в зеркало, она принаравливает зеркальце, смотрит и ахает сокрушённо – все огрехи-то как видны! Я тоже беру зеркало, Цветков выхватывает зеркало у Лены. Да! Интересный эффект – зеркальное изображение, вроде всё правильно, а гармонии нет, некрасиво как-то, едва уловимая диспропорция непонятно в чём. Всматриваюсь... кажется начинаю понимать, что и как исправить. Вот ведь и на 2-м курсе на рисунки гипсовых голов тоже в зеркало смотрели – а таких гротесков не наблю-

дали.

– Николай Андреевич, в чём фишка, в чём подвох на живой натуре?

Хижа усаживается, натурщица воздвигается, он объясняет:

– То гипс, а то живое тело. Вот вроде бы точно так она встала, а голова на полсантиметра влево ушла, локоть чуть выше, ты рисуешь, как сейчас видишь, а рефлекс в тенях как раньше падает, миллиметра на 3—4 сместился. Она дышит, микродвижения присутствуют, вы их не видите, а кто и видит, не будет же каждые 10 минут уточнять... Кроме того, известно, что если фото в анфас разрезать пополам и сложить две левые половинки и две правые, получатся два совершенно разных лица. Это всё – симметрия – асимметрия, да ещё и зеркальная симметрия. А зеркало, к тому же, не бинокулярно смотрит, как человек двумя глазами, у зеркала монокулярное зрение, если можно так выразиться, зеркало «смотрит» как бы одним глазом, да в зеркальной перевёрнутой симметрии, а вы видите отражение опять бинокулярно, вот вся дисгармония и вылезает. И почитайте-ка Павла Флоренского «Иконостас» про условность линейной перспективы... да, и всё изобразительное искусство условно... опять же, магия зеркал... почитайте об этом...

– Николай Андреевич, расскажите! – галдим мы в разнобой, он отмахивается:

– Потом как-нибудь... – и уходит.

Магия зеркал – завораживающее понятие, проявление непостижимой двойственности мира. Само зеркало – не только материальный предмет, но и ловушка, вместилище неосязаемого отражения, фантома. Что же происходит в Зазеркалье? Оно-то и морочит сознание, зеркальное стекло – магический прибор, соединяющий образы грубого и тонкого мира, мистификатор, хранящий вереницы людей и событий, когда-то отражённых в нём. Опять смотрю в зеркало на рисунок, кроме рисунка вижу край своего мольберта, часть Лениного с её рисующей рукою и дверь в коридор. И вот вижу – дверь тихо и медленно приоткрывается, в щель всовывается голова в зелёной треуголке, плюмаж, букли парика, тень на лице до середины щеки... Я быстро оглядываюсь на дверь – никакой головы, пустая, тёмная дверная щель, она беззвучно расширяется, дверь отворяется, входит запыхавшаяся опоздавшая Нина с планшетом подмышкой и со словами: «Ой, а кто это был?». Никто не обращает внимания, она часто опаздывает, живёт где-то в новостройке, то ли на Непокорённых, то ли на Недострелённых. Внешне она похожа одновременно на монашенку и на хипницу – волосы на прямой пробор, бледное лицо без косметики, длинная юбка, фенечки из кожаных тесёмочек и бусинок. Девушка, выросшая в хрущёвке, она как-то зашла ко мне на 2-ю линию и была потрясена нашими 4-хметровыми потолками и 15-тиметровой кухней, ей было не по себе, привыкшей к тесноте малогабаритки. Прямая, наивная и искренняя, она тогда

сказала, оглядываясь и косясь на потолок:

– Ой, я первый раз в жизни в таком жилом пространстве, ну, в квартире такой, музеи и учреждения, те не в счёт...

Итак, никто не обратил внимания на её восклицание «... ой, кто это был?», а если бы кто-нибудь и обратил, то не понял бы ничего – все сидели так, что не видели приоткрытой двери и головы в треуголке не видели, которая отразилась только в моём зеркальце. Нина, усаживаясь и пристраивая подрамник на мольберте, продолжала вопрошать: «Ой, а кто это сюда заглядывал в треуголке и камзоле, я чуть не столкнулась в коридоре?».

Тут подал голос угрюмый Павел, сторожил Рисовальных классов и вечный абитуриент:

– В треуголке? Так это призрак Кокоринова был, архитектора, строителя и первого ректора нашей Академии художеств. Вы что, не знаете? Он же повесился на чердаке здесь и привидением бродит по лестницам, коридорам и закоулкам вот уже двести лет...

Натурщица поправила очки, переступила как застоявшаяся лошадь – все завопили:

– Нина Ивановна, голову чуть выше, не так было... – она приняла нужное положение и подтвердила, что тоже знает про привидение, вот и сотрудники музея рассказывали, что не раз видели фигуру в треуголке, мелькавшую в длинных полутёмных коридорах. Нина замерла с карандашом наперевес: «Да ладно вам, что вы меня пугаете...»

В этот момент вошёл Хижа: «Кто, кого и чем пугает?».

– Да вот, Нине явился призрак Кокоринова в коридоре.

Хижа засмеялся:

– Кокоринова? Надо же, какое совпадение, его Гоша Полтинников сейчас пишет, эскизы делает, он работает над историческим полотном к 200-тилетию, в 1989 году, завершения строительства здания Академии художеств по проекту Валлен-Деламота и Кокоринова. Это будет большое полотно вроде знаменитой картины Якоби «Инаугурация Академии», а у Полтинникова и Кокоринов присутствует среди исторических деятелей и придворных чинов вокруг Матушки-Императрицы. Кокоринов ведь и на памятнике 1000-тилетию России в Новгороде Великом среди самых знаменитых персон изображён. А вот хотите посмотреть, как Гоша Полтинников работает? Я как раз собираюсь в его мастерскую, он просил зайти, что-то там посоветоваться... Ну, вы его знаете – живописец, заслуженный художник, руководитель мастерской. Сейчас наши часы заканчиваются скоро, пошли, кто хочет, в его мастерскую...

И мы пошли...

2. Маски и пляски

...и мы пошли...

Из класса мы спустились по лестнице и вышли в один из дворигов внутри квартала между Невой и Большим проспектом, застроенного с 18-го века различными службами, домами и домиками, принадлежащими Академии Художеств. Многочисленными арками, проходами и подворотнями внутри квартала можно было пройти на 3-ю и 4-ую линии, а через подъезды и из дворов – на Большой проспект. Посредине квартала – обширный сад и, парадным фасадом на Неву, главное здание – великолепное творение Ж. Б. Валлен-Деламота и Кокоринова, который в день закладки здания Академии был избран профессором архитектуры, потом – адъюнкт-ректором, затем – ректором Академии, и, по легенде, в 1772-м повесился в своём кабинете... или на чердаке?

Путь наш лежал в главное здание, в мастерскую Полтинникова. В ноябрьских сумерках, под морозящим дождём, обходя лужи, мы тянулись захламлёнными переходами за нашим Хижой, как Данте за Вергилием по кругам Ада. И вот, в круге первом, в свете тусклого фонаря, неверно мигающего с 3-ей линии, в конце очередной подворотни, нам показалось (или мы действительно увидели?) страшную полуголую фигуру, в рванине, мертвенно-белую, нелепо выверну-

тую, на одной ноге и с кривым костылём; на голове – косо нахлобученная, поникшая от дождя, треуголка. Рядом валялся какой-то хлам. Хижа резко остановился, наше растянувшееся шествие застыло шагах в пяти за его спиной. Фонарь качнул пятно света на фигуру, послышался звук открывающейся, невидимой нам за углом, двери, вырвалась громкая музыка, яркий свет подсветил фигуру с другой стороны. Фигура, казалось, дрогнула, упала двойная тень и поползла к нам, и радостный густой голос возгласил:

– Николай, Хижа... это ты, что ли? – так заходи, мы большой заказ празднуем, ты с учениками? – так все заходите...

Мы подтянулись к свету, за углом, в открытых дверях здания Гипсоформовочной мастерской стоял мужчина в переднике и газетной треуголке и приветственно размахивал откупоренной бутылкой. Теперь стало видно, что рядом, приклонённая к куче строительного мусора, криво торчала покалеченная гипсовая фигура, вместо одной ноги – кривая арматура, на плече – ветошь, на безносой покоцаной голове, как у маляра во время ремонта, заляпанная газетная треуголка. Отбитая нога и другие обломки валялись рядом. Мы перевели дух и гуськом за Хижой втянулись в гостеприимно распахнутую дверь. В мастерской шёл ремонт с побелкой и параллельно гремел музыкой праздник Большого Заказа. Радужный хозяин, оказавшийся известным скульптором Михаилом Подозёровым и приятелем Хижи, был похож на художника Куинджи и чем-то неуловимо на орангутанга.

Он пояснил сочным басом, что вышел во двор в нетерпении встретить «гонца в магазин без продавца» и, как выяснилось, вовремя вышел и спас нас всех от страшного гипсового калекки, пострадавшего от ремонта – «...ну, уронили и выставили во двор...».

Он приглушил музыку, мы стали рассаживаться и с интересом осматриваться. Всюду стояли накрытые и не накрытые гипсовые копии антиков и пролетариев, Ленины в кепках на голове и в руках теснились по углам, шаткие козлы и лестницы-стремянки торчали у дальней стены, на полках стояли носы, уши, орнаменты и головы, которые мы рисовали на 1-м и 2-м курсе. Сухое личико Вольтера ехидно улыбалось, голова Кондотьера Гаттамелаты надменно смотрела на меня сверху вниз, дальше полка была прикрыта клеёнкой. Подозёров налил всем в разнокалиберные ёмкости, и Хижа поднял свой стакан:

– За Большой Заказ, Михаил, дружище! Пусть почаще будут... а этот твой гипс во дворе, покалеченный... я уж думал, ведь ноябрь как раз, вода прибывает, так я подумал, что скульптор Михаил Козловский опять с Лазаревского кладбища в родную Академию добрался... опять промок и замёрз, обогреться будет проситься, как почти каждую осень, при северо-восточном ветре, когда могилу водой заливают...

Михаил тоже поднял стакан, утонувший в громадной руке:

– Так помянем же тёзку моего незабвенного, учителя на-

ших учителей, а придёт – так пустим... и нальём ему... – Михаил Подозёров уже изрядно пьяный, помахал стаканом – ...помянем великого создателя «Самсона» и Суворова в образе Марса!

Все выпили, Нина смотрела испуганно: «...то призрак Кокоринова, то теперь Козловский с кладбища...», – прошептала она.

Подозёров, разливая Хиже и себе остатки, продолжал:

– А вы знаете, что Михаил Иванович Козловский сначала был похоронен на Смоленском кладбище, у нас на Васильевском, не так далеко от Академии художеств. Это потом его прах был перенесен в Некрополь Александро-Невской лавры, оттуда ему, конечно, теперь далековато добираться. Но он всегда подходит не дворами, а к главному подъезду Академии, ему, как гению и профессору полагается, и стучит в двери, швейцары утверждали, что в шуме дождя и завывании ветра слышны слова: «Я стучу, я – скульптор Козловский, со Смоленского кладбища, весь в могиле измок и обледел. Отворяйте!», – пророкотал Михаил утробным басом и постучал в ближайшую стенку опустевшей бутылкой...

И тут эхом раздался стук в дверь... Нина побледнела, у Алёны расширились зрачки, Хижа вздрогнул и уставился на Михаила, реакция остальных осталась за кадром... Михаил же радостно заржал и с восклицанием – ну, тебя только за смертью посылать! – сжимая в могучем кулаке пустую бутылку, распахнул дверь, и... это оказался гонец в магазин

без продавца, вовремя подоспел с полной сеткой полных бутылок. Следом за ним подошли ещё два скульптора, и тут началась попойка, вошедшая в анналы мастерской Подозёрова как «Поминки по Козловскому». Михаил поднимал стакан за стаканом за каждую из скульптур своего знаменитого тёзки – за Изяслава уязвлённого, Амура со стрелой и Амурсящего, за Екатерину Великую-Минерву и множество других, в Едомых далеко не каждому... Потом пошли тосты за его учеников и, по нисходящей линии «учитель-ученик», соборно добрались до Подозёровского то ли деда, то ли дяди, скульптора Ивана Подозёрова, выпив за которого, Михаил, с величественным мановением руки – продолжайте, мол, други – удалился в закуток, на диванчик – «подумать и погрустить» – так объяснил он своё внезапное уединение.

Остальные с пьяным энтузиазмом, перебивая друг друга, вспоминали менее известные работы Козловского и пили за них. Угрюмый Павел оживился и заспорил со скульптором Адиком о пластике и экспрессии.

– Что ты понимаешь в объёме и трёхмерности, ты, раб плоскости, – кричал гордый скульптор. – только мы, ваятели, равны Творцу, Первоскульптору, изваявшему Адама из праха и плюювания...

– Это Спаситель из брения и плюювания сотворил мазь во исцеление слепого, – парировал Павел, – а Творцу в Его трудах вылепления Адама из красной глины помогали архангелы Барадиэль и Уриэль – он, к примеру, изваял левую

пятку, – Павел ткнул в гипсовую стопу на полке, – вот, которую мы на первом курсе рисовали, а Рухиэль и Баракиэль, не помню что, но тоже помогали, многие ещё, а потом некие из них, клеветы Люцифера, низ-брошены (Павел запнулся) – низз-ринуты были в пре-преисподню, так может быть, вы – скульп-скульпторы от низзз-ринутых, тёмным Муррринам и уподобились, а не Творцу...

– и Буонаротти, он что, тоже от тёмных, по-твоему? да светлее него... ну, ты, еретик, анархист... – выверился Адик.

Насчёт Буонаротти Павел взял свои слова обратно... Мне подумалось, как интересно наблюдать за людьми – вуяризм, визионерство? – Кто я – подглядывающий или наблюдатель-естествоиспытатель, беспристрастный (или пристрастный?) свидетель, добросовестный хроникёр?

Хижа разговаривал с Алёной и Цветковым, тот преданно смотрел ему в лицо, Алёна, опустив глаза, вертела на пальце кольцо с опалом – их голоса доносились сквозь музыку: «...поступайте на очный в будущем году... вполне можете... из семьи ушёл... ну, не знаю... позанимаюсь с вами... спасибо, Николай Андреевич... мягкая манера... уверенная рука...». Бравурная музыка сменилась старым танго...

Нина от выпитого вина немного порозовела и уже не выглядела такой испуганной, её пригласил танцевать второй скульптор, оставшийся безымянным. Танцую, они задели и с шушанием сдвинули клеёнку с полки позади себя, из-

под клеёнки показались гипсовые маски, скульптор стал поправлять клеёнку и взял одну маску в руки. Это была маска молодой женщины, как бы в чепчике, завязанном под подбородком, спокойное, милое лицо с закрытыми глазами – спящая? – тайна почилла на опущенных веках...

Скульптор удивлённо Нине: «...смотри, как на тебя похожа...» – «Осторожно, не разбей, дай сюда!..» – раздался бас воспрянувшего от дум и грусти Подозёрова. Он взял маску в свои мощные руки, и все сгрудились вокруг него, с любопытством вглядываясь. Музыка приглушили, фоном звучало – «...утомлённое солнце... тихо с морем прощалось, в этот час ты призналась, что нет любви...» – старое танго забытого Гарри Петербургского, как его называли уже в эмиграции, в Аргентине...

Осторожно держа маску, Подозёров начал:

– Это посмертная маска Марии Стюарт, – (Нина опять побледнела, у меня побежали мурашки по спине, безымянный скульптор вытаращился на Нину), – я с трудом раздобыл её. Она была сделана со слепка лица отрубленной головы несчастной королевы 8 февраля 1587 года в английском замке Фотерингей, сразу после казни. С воскового слепка были отлиты несколько масок, из них сохранились две. Одна находится в музее шотландского города Джедбург, она довольно грубо раскрашена и поэтому, наверное, похожа одновременно на Вивьен Ли и на Елизабет Тейлор. Другая – в частной коллекции дворца Леннокс-Слав, в Шотландии, у 14-

го герцога Гамильтон, среди его коллекции артефактов XVI века. Там есть и знаменитый серебряный ларец Марии Стюарт, и сапфировое кольцо королевы, подаренное лорду Джону Гамильтону, 1-му маркизу Гамильтон. Эта, – он приподнял маску, – копия того слепка с лица королевы, который сделан из воска, детали – брови и ресницы – были добавлены позже, для придания лицу жизненного подобия. О, несчастная красавица!.. – он полюбовался на спокойное, овеянное тайной, лицо, и продолжил, обращаясь к маске. – Ты, обладательница трёх корон, воспитанная при французском дворе, одарённая всеми женскими дарованиями и соблазнами, но увы! – не королевским достоинством, которое целиком досталось твоей сопернице – Елизавете...

– Лицо совсем молодое, – пробормотал кто-то, а ведь ей было за 40, когда её... когда ей...

– ...отрубили её прекрасную голову, – закончил фразу Хижа и взял маску из рук Подозёрова, – наверное, она была не из дочерей Евы, а из дочерей Лилит, на них не легла вина грехопадения, и женский век их значительно длиннее, чем у потомства нашей праматери Евы... вспомните вот – феи, ундины, суккубы...

Подозёров отобрал у него маску, повернул её к нам и продолжил рассказ:

– Да, лицо юное, главное – не опоздать сделать слепок. Мертвый человек меняется, уже через сутки из-за расслабления мышц черты лица уменьшаются и искажаются, в от-

сутствии кровяного давления они сжимаются, «обостряются»... живое лицо изменчиво и более или менее несимметрично, смерть же, убирая эмоции, делает человеческое лицо симметричным. Правда, смотря какая смерть... Слепок же для этой маски сделали сразу. Юный вид и вот это подобие чепца вокруг лица, – он сделал круговое движение пальцем над слепком. – это потому, что горячий воск сглаживает морщинки, а чтобы он не растёкся, лицо окружают тканью...

Он замолчал, глядя на маску, паузу заполнили звуки старого сладкого танго Чезаре Биксио, тихо шелестели слова: «... что ж ты опустила глаза, разве я неправду сказал?.. разве устами алыми ласковых встреч не искали мы...».

Он обвёл нас взглядом и задержался на Нине, мы тоже посмотрели на неё и удивлённо на маску, безымянный скульптор нервно начал:

– Вот я и говорю, как похожа...

Подозёров его прервал:

– Да, ЭТА очень похожа на ДРУГУЮ, – (выделил он голосом), – сейчас я вам покажу – и, пошарив под клеёнкой, достал другую маску и поднял её повыше, – это отливка со слепка лица «Неизвестной из Сены», служитель городского морга снял его с девушки-утопленницы, которую извлекли из реки у набережной Лувра ранним утром 1900 года. Служитель был буквально заморожен – её красивое юное лицо озаряла улыбка неземного счастья. Райнер Мария Рильке развернул вокруг маски «Неизвестной» сюжет своего рома-

на, о ней писали поэт Луи Арагон, философ-эссеист Морис Бланшо и Владимир Набоков, он сравнивал ее с русалкой и шекспировской Офелией и посвятил ей стихотворение.

Все отвели глаза от Нины, мы с Алёной переглянулись – поняли, что Михаил намеренно переключил всеобщее внимание, несомненно, заметив сходство Нининого бледного личика с казнённой королевой.

Кто-то призвал налить и выпить за Королеву и Неизвестную из Сены, что и было исполнено с энтузиазмом, прикрывающим возникшую тревожную неловкость из-за всех этих призраков, мертвецов, масок и сходственных подобий.

Снова налили и устроились вокруг Подозёрова, а он держал в руке ещё одну маску:

– А вот это – маска прусского короля Фридриха Вильгельма II, смотрите, она похожа на творение скульптора-пост-модерниста, настолько выразительно деформировано лицо, а этот джентльмен, – он показал следующую, – это первая английская посмертная маска – лорд-протектор Оливер Кромвель, скончался в середине XVII века от отравления, а потом его тело было вырыто из могилы, повешено и четвертовано, в запоздалое наказание за измену, а казнённый им король обошёлся без маски, зато ему пришили обратно отрубленную голову и перезахоронили с почётом... Можно сказать, друзья, что посмертные маски королей и правителей – это сакральные предметы. Мы, художники, копируя и часто облагораживая их, делали и делаем надгробья, парадные бюсты,

портреты и памятники – ну, вот Медный всадник, к примеру – использовался посмертный слепок, сделанный Растрелли. У меня вот сейчас есть заказ на портретный надгробный памятник одной важной персоны. Я сам, – Подозёров важно ткнул себя пальцем в грудь, – делал слепок лица покойного. А что, как многие великие, знаменитые скульпторы – Меркулов, Кербель, Цигаль, Манизер, Томский – какие имена! Сергей Меркулов говаривал, что всю жизнь перед ним в грозном величии стояла смерть, ею венчалось всё: красота, безобразие, талант и бездарность – он снял более 300 масок сильных мира сего, после его кончины некоторые из них передали в Третьяковку, но они никогда не выставляются. Не всех смерть умиротворяет, на некоторые просто невозможно смотреть; мёртвые лица многих, многих деятелей запечатлели их скверну, интриги, двоедушие, низкопоклонство – душевные, если были таковые, и физические муки. Следы преступлений, пороков и последней борьбы со смертью слишком явственны на их лицах. Последнее выражение лица Держинского кажется ужасным, маска Якова Свердлова – воплощение страха, палач царской семьи сам не хотел умирать... – Подозёров вынул ещё один слепок, подержал в руках и засунул обратно, под клеёнку, – ... эту и показывать не буду, эта из коллекции нашего Питерского художника Давыдова, они хранятся у него в мастерской, мне вот дал снять копию, этот гипс меня особенно поразил. Он с лица бывшей ткачихи и бывшего министра культуры Екатерины

Фурцевой... умерла в ванне, была уже не у дел, за что-то её сняли... маска навек отразила чудовищную агонию, лицо ее искажено нечеловеческим страданием, скорченное, будто бы в адском пламени...

Все помолчали, опять стала слышнее музыка, теперь пел Вертинский, красиво интонируя и грассируя: «...ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресницах спит печаль, ничего теперь не надо вам... никого... теперь... не жаль...».

Некоторых из нас передёрнуло, а великолепный грустный Пьеро, опять в тему, запел: «...где вы теперь, кто вам целует пальцы...».

Хижа, разливая по стаканам, бормотал: «...где-где... каждый там, где надо, кто в Круге первом, кто в Геенне огненной, а кто и в Элизиуме, а некоторые и в Раю...», разлив, обратился к Подозёрову:

– Миха, а ведь можно снять маску и с лица живого человека, снял бы с меня, глядишь – пригодится... Давай, в ноздри трубочки, и об условных знаках договоримся на случай, если что не так. Ведь весь древнеримский портрет на этом основан, я тоже хочу – лары и пенаты... обещаю терпеть и совсем не гримасничать. А правда, что маски, снятые с живых людей, кажутся мертвыми, а с мертвых – наоборот, живыми?...

– Вот допьёмся до положения риз, и будет лицо, как у мёртвого! Ну, давай, сниму и с тебя, как-нибудь потом сделаем...

Михаил пошарил на другой полке, достал что-то пёст-

рое, яркое и красивое... – Ура! – это оказались венецианские изысканные карнавальные маски, все похватали, понадевали. Подозёров покрутил магнитофон, зазвучал менюэт Вивальди, и мы все, разбившись на пары, соприкоснувшись мизинцами высоко поднятых рук, в свободных руках держа стаканы, пошли плавным менюэтом – сначала не в лад, потом приноровились... Нина-Коломбина с безмянным скульптором-Арлекином; Цветков-Пьеро с Мораной; Адик-Ардженто с Дамой Валери, нацепившим какой-то платок юбкой вокруг талии; Андрей в Бауте-Казанова с Леной-Луной; Алёша-Дожд с Алёной-Маркизой; Павел-Дьявол с Дамой Либерти с павло-посадским платком вокруг пояса; седой Панасюк-Кот с маской-Солнцем; неопознанный-Вольто с неизвестным Доктором Чума... Кавалькада пар, лавируя меж белых гипсов, подставок и теней, то скользила в проём дверей, то странно разделялась и двоилась за лестницами-стремлянками и разнокалиберными Лениными, иногда отражалась в наклонно висевшем в простенке зеркале...

Подозёров с Хижой, тоже с масками и стаканами в руках, остались на продавленном диване, сквозь музыку слышались их голоса:

– ...красиво... сюр!

– да, абсурдно... символично... откуда маски эти?

– ...да, делал слепки тут одним, для основы...

– чтобы антропометричны были?..

– ну, да... рассчитались натурой, вот, не деньгами – а ком-

плектом масок... У Кота усы седые торчат – класс!.. А это твоя Нина с лицом Марии Стюарт, я почти влюбился...

– ...и ничего странного, тождество Эрос-Танатос...

– ...ну да, невыносимый экстаз поцелуя Смерти... а я ведь здесь, в гипсоформовочной, случайно...

– ...а тут я со своей командой...

– ...мои меня ждут у меня в мастерской, там праздник намечался, а здесь стихийно с твоими получилось... А Нина эта, и с кем она, этот Арлекин, забыл имя парня, рост, сложение... – смотри, как похожи, оба андрогинны. Давай их переоденем – обмен одеждой, обман чувств – и пойдём все ко мне... да, как у Вазари про Рафаэля, помнишь?

– ...помню... мистификация с переодеванием юноши в девушку...

Музыка закончилась, пары распались, идею продолжения банкета в мастерской Подозёрова и переодевания Нины и Арлекина обнародовали, правда, Нину пришлось уговаривать, Арлекин же согласился сразу (безымянный скульптор обрёл имя, отныне он назывался Арлекином). Маски сняли, и все узнали неопознанных Доктора Чуму, Вольту и других. Нина и Арлекин за ширмами разоблачились, Лена помогла поменяться одеждой – Арлекин был очарователен в длинной Нининой юбке, шарфе, бусах и фенечках, Нина – прелестна в его джинсах, куртке и бандане...

Все собрались, оделись... Готовность номер один... номер ноль...

...И МЫ ПОШЛИ...

3. Кладоискатель и мистификация

...и мы пошли...

На дворе шёл первый ноябрьский снег, какой-то взъерошенный, он то слипался в крупные лохматые хлопья, то сыпал мелкой крупкой, то перемежался струями дождя... На крышах и карнизах он держался белёсой порошей, но на земле сразу таял, превращаясь в грязь, чёрные лужи поглощали его, становясь рябыми, теряя свою стоячую зеркальность в глухих углах дворовых лабиринтов. Снег с дождём закручивался во дворах и подворотнях, кидался на нас со всех сторон.

– Я и говорю, наводнение будет, как ветер рвёт, наверное, Сфинксы улыбаются... – слышался гулко в очередной подворотне не поймешь чей голос; конец фразы снесло ветром... где-то на крыше загромыхал лист железа... Вот донёсся голос, кажется, Подозёрова:

– Интересно, Николай, заметь, каждый выбрал маску по своей внутренней сути, вот этот твой, с седыми усами, ну кот-котом...» – они с Хижой приостановились в закутке, где не так крутило ветром.

– Скорей не по сути, а по внешности...

– Или по своему представлению о себе, да пошли уже, давай, меня соавтор дожидается, и ещё заказчик в мастерской ждёт, буду его бюст ваять, известный актёр...

– Так поздно? – удивился Хижа.

– Так после спектакля же...

Да, думалось мне на ходу под завывание ветра в очередном проходном дворе, маска – завораживающая, удивительная вещь, её надевают, когда хотят быть кем-то другим или дать лица тем, кого никогда не видели, но в чье существование верили – в богов и демонов; в мистериях и ритуалах, люди, надев маски, становились воплощением бога или Рока... Средневековый палач в маске перевоплощался из людской сущности в слепое орудие правосудия...

Упс!.. Нога моя скользнула в лужу и мгновенно промокла, брызги полетели в идущих следом Павла и Адика. Отряхнувшись, выудив меня из лужи и оставив под опекой Лены под зонтом и Нины в мужском обличье, они, продолжая на ходу свой спор скульптора с живописцем, завернули за угол. Ветер, вместе с пригоршней мокрого снега в лицо, донёс обрывки доводов Адика:

– Вот как раз особенность маски в том, что её создание непосредственно не связано со зрением, оно в большей степени относится к тактильности. Маска возникает как результат ощупывания лица самим материалом, сохраняющим в себе след прикосновения... Прикосновения! – понимаешь ты это? – но этот след оказывается видимым, он непосредственно переводит тактильное в зримое!.. скульптор ощупывает материал, лепит, ваяет... Морис Мерло-Понти заметил, что тело человека находится в «видимом режиме», благода-

ря... – ветер унёс конец фразы...

Мы втроём следом за ними зашли за угол, их разговор вновь стал слышным:

– Ты не дави меня своим Мерлом – Понтием, Адик, в скульптуре всё слишком предметно, осязаемо, зримо... где же сфумато, дымка, таяние пластов воздуха, иллюзия пространства...

– Это у вас, живописцев, иллюзия, а у нас само пространство и есть, а сфумато... так у Родена помнишь «Вечную весну»? Сходи в Эрмитаж, ещё раз посмотри, как он обобщает форму, не до конца выбирая мрамор в углублениях, как очертания становятся тающими – мрамор слегка просвечивает, влюблённые дышат жизнью, чистотой и целомудрием...

– ...Роден... да... но... – Павел, похоже, не сдавался... Ветер, эоловой арфой в скособоченной решётке, засвистел тоскливо и тревожно...

Внезапно мы вышли в обширный сад Академии, – вот где разгулялся настоящий наводненческий шторм, завихряя снег с дождём и стирая видимость. Вокруг колонны, казалось, вились снежно-водяные призраки, а на венчающей колонну лире ветер играл симфонию наводнения. В дальнем углу, около выхода на 4-ую линию, заштрихованная косо летящим мокрым снегом, плясала и металась на месте неопределённая фигура. Руки поднимались и опускались, хлопали то ли полы одежды, то ли крылья... Ветер бесился над ши-

роким пространством лысоватого сада... белёвые тучи неслись и свивались в странные силуэты, вот – как будто гигантский фантомный сфинкс, подобие приневского (или это его гранитная египетская душа?), несётся на юг, вытянув лапы, вот – закутился спиралью... Что он видит с высоты? – идущую вспять тёмную невскую воду в оспе дождя и морщинах, квадрат здания Академии с круглым внутренним двором, нашу нелепую подвыпившую компанию, бредущую в голом саду... А поднявшись выше, он увидит тусклые огни города в лабиринтах улиц, в чешуе мокрого снега; ещё выше – и вот – финский залив, холодное Балтийское море тяжело ворочается в мрачных берегах... Нет, не долететь тоскующему духу Сфинкса в Египет, завертит его невский ветер и швырнёт обратно на гранитный спуск к воде...

У Лены вывернуло наизнанку зонтик, у Алёны зонт сплющило, вырвало из рук и куда-то унесло, она не стала его догонять и порывавшегося Цветкова остановила, просто затянула шарф и подняла воротник, как и все остальные, и наша небольшая толпа приблизилась к пляшущей фигуре.

Это был мужчина неопределённого возраста в древней порыжевшей плащ-палатке, полы которой взлетали и хлопали у него за спиной. Человек не плясал, а копал землю размеренно и остервенело, капюшон закрывал наклонённое лицо, на шее на каком-то шнурке болталась в такт взмахам лопаты костяная рука с предплечьем... Ну, то есть – кость локтевая и лучевая с костями запястья, пясти и фалангами пальцев...

сколько раз мы это всё рисовали на занятиях анатомического рисунка... На том же шнурке, рядом с костяной рукой болталось... клок сена?... да, связка травы...

Мужчина, казалось, нас не замечал и что-то бормотал, мы подошли поближе и услышали прерывающийся хриплый голос:

– Господь Бог впереди, ангел-хранитель позади... святые евангелисты по бокам, аз тебе, Отец Небесный, славу воздам! Защити меня, раба Божьего Михаила, своей силой от дьявольских козней... освободите клад от тяжкого заклания... – потом что-то неразборчиво и опять различимо – ... ветер-ветрович, ты задуй сильней, размети мне путь ты ко кладу сему, чтоб найти мне его, как свой дом среди ноченьки, чтобы я, Михаил, взял тот заветный клад, что положен для меня рукою, мне неведомой, грешником Лебедевым...

Тут голос его захрипел, пресёкся, и человек стал падать, выронил лопату и опустился на землю как-то боком, косо – на одно колено и локоть. Подозёрлов шагнул к нему, своей могучей ручищей приподнял, посадил на какой-то ящик и, достав из-за пазухи бутылку, дал хлебнуть. Капюшон откинулся, и мы увидели одного из наших натурщиков, того самого, что иногда падал с подиума во время позирования то ли в падучей, то ли спьяну.

Все столпились вокруг, его трясло, глаза косили, он заозирался на нас, как будто бы только сейчас всех увидел.

Хижа нагнулся к нему:

– Ты что это здесь, в такую погоду... ночью?..

Ну да, мы-то все в такую погоду, ночью просто в мастерскую Подозёрова идём по его приглашению, это резонно, это нормально, а этот – что?! Натурщик узнал Хижу:

– Так, Николай Андреич, сегодня до полуночи только, раз в год только... сегодня... вот, можно выкопать... на этом самом месте в блокаду, захоронение... – клад, ну, воронка от снаряда...

Подозёров дал ему ещё хлебнуть, а Хижа посмотрел на часы:

– Ну, так опоздал ты, Михаил, уже полночь миновала, полпервого уже! Вставай-вставай, пошли с нами, тебе отогреться надо, там всё расскажешь.

Они помогли ему встать, и все мы теперь уже кучной, но, похоже, поредевшей группой пошли за Подозёровым за здание бывшей Литейной к его мастерской и без особых приключений, если не считать порывов встречного ветра и снежных зарядов в лицо, благополучно прибыли и ввалились в светлое и тёплое помещение. Здесь, меж скульптур, подставок, полок, арматуры и горельефов – царили и правили бал тени. Как говорил Роден: «...тени, божественна игра теней на мраморах... тени неравнодушны... тени цепляются за скульптуры, одаряют их убранством... наделяют жизнью». Верно, это живописцы ловят, берут в плен тени, переносят их на полотно, теням – никуда не деться из картины, независимо от освещения. А ваятели?.. – тени их союзники – или

враги?... и нет у них пакта о ненападении, тени играют, поглощают, выставляют, искажают изваяния. Кажется, в этом театре теней скульптуры оживают, кривляются, движутся... интересно, а что изваяния делают, когда нет людей в мастерской?

Древнеегипетский скульптор поведал иероглифами – «... я знаю тайну божественных слов, образов и теней, наведение обрядов; великий таинник, я вижу Ра и тени, им порождённые, движение человека, походку женщины, выражение ужаса застигнутого спящим... я превосхожден в этом... в каждом ценном камне, от серебра и золота до слоновой кости и эбенового дерева, – и тени движут моим резцом...». Да, живописец – повелитель теней, скульптор – вассал...

Итак, мы – в мастерской Подозёрова; дикие тени дворов и подворотен остались снаружи в ноябрьской стуже, здесь же витают тени высокого искусства... Оказалось, сюда дошли не все, не было Панасюка, Лены, Андрея и Алёши-Мичмана – то ли заблудились они в проходных дворах, то ли вышли через очередную подворотню в параллельный мир – тогда мы этого не ведали... Но зато мы привели кладоискателя-натурщика, правда в маловменяемом состоянии, ему дали ещё хлебнуть спиртного и уложили в какой-то боковой подсобке как был, в плаще и шапке, чем-то прикрыли, и он, вроде, заснул...

Потом мы узнали, что Панасюк с Леной, маскарадные Кот с Лунной, свернули в покосившуюся калитку, не доходя обще-

жития, попали на 3-ю линию, перегороженную ремонтным раскопом и косым забором. Вдоль забора и очередным проходным двором вышли на Соловьёвский переулок, где в низких строениях и бывших каретных сараях всё ещё живёт 18-ый век. Они долго петляли по дворикам, думая, что находятся на задворках Академии, пока не вышли полуподвальным кирпичным ходом на 1-ую линию, прямо под дом бабушки Крылова – баснописца нашего знаменитого. А тут и автобус номер 7, похоже, последний, как раз и подошёл, – и они уехали по домам...

Андрея же с Алёшей (маскарадных Бауту-Казанову и Дожа), как они потом рассказывали, занесло ещё дальше – на Биржевой переулок, где по ходу они вдруг стали обрастать попутчиками, и незарастающая народная тропа привела их к Винному заводу в бывших складах купцов Елисеевых, куда, как муравьи, сползались днём и ночью ханыги, гопники, забулдыги и просто жаждущие выпивки граждане. Были там заветные щели и дыры, сквозь которые добросердечные работники завода снабжали страдальцев бормотухой по самой необременительной цене. Там наши путешественники добавили на старый хмель, ослабели и, вроде, заночевали... кажется, у сторожа, и угрозу наводнения они просто не заметили, проспали...

Мы же в мастерской Подозёрова обрели горячий чай с ромом (ром кубинский, с мулаткой на этикетке), узрели знаменитого актёра Мстислава Хмельчика, скульптора Гену Поля-

кова и его дружка – юношу с дредами и в растаманском берете. Геннадий Поляков, соавтор Подозёрова по Большому Заказу, плотный блондин лет за 50, любил мальчиков, исповедуя этику и эстетику античности. Растаман держал магнитофон, из него тихо звучал Боб Марли – плыла мелодия регги «No women no cry», эти слова они с Поляковым, похоже, понимали как «нет женщин, нет слёз», судя по ласковой руке Полякова, теребившей дреды юноши.

Отогревшись, перебивая друг друга, мы стали вспоминать и восклицать, как мы шли сквозь ночь и бурю. Подозёров всех перезнакомил, особо выделив Нину в мужском облике, назвав её «мой юный друг Никола» и бывшего Арлекина в девчачьем виде, назвав его – «прелестная Мика». Он приобнял их обоих за плечи и подвёл к дивану, на котором сидели Поляков с Растаманом, и, зорко глядя на Геннадия, пророкотал:

– Гена, посмотри на Николу – какая пластика, гибкость, тебе для группы «танец», а? каков натурщик, а?.. если сумеешь уговорить Николу, конечно... он сам на графический поступать будет, вот – у Хижи учится...

Хижа покивал, улыбаясь, Нина-Никола, отхлебнув чая с ромом из большой чашки в дрожащей руке, храбро присела рядом с угловатым Растаманом, тот ревниво надул губы. Подозёров экспромтом решил проверить, что именно привлекает, влечёт и влюбляет – зрительный образ, облик, и происходит именно то, что называется – любовь с первого

взгляда, или, по новомодной теории о феромонах, – любовь с первого нюха. Что вызывает вожеление и любовное томление. Если верна теория феромонов, то Поляков верхним чутьём унюхает, распознает в переодетой девушке женское естество и останется равнодушным, несмотря на юность, грацию и некую наивную трепетность застенчивой Нины-Николы. Посадив «Николу» рядом с Растаманом, он подвёл юношу-«Мику», продолжая обнимать «её» за плечи, к народному артисту, тот галантно воздвигнулся из кресла... Ему сразу очень понравилось застенчивое, ненакрашенное существо в длинной юбке и самопальных украшениях в стиле хиппи. Он разглядывал прозрачные серо-голубые глаза – застенчиво опущенные, светло-русые прямые волосы на прямой пробор... (парень явно нервничал, в душе, наверное, сожалел, что поддался на эту мистификацию). Это скрытое волнение почувствовал и по-своему истолковал самовлюблённый, как все актёры, Хмельчик и мгновенно зарезонировал – в его голове нежно зазвучало из роли Ромео «о, красть блаженство рая с милых уст, что в девственной невинности как будто они краснеют от взаимного касанья...» – и он тут же почувствовал себя влюблённым юношей.

Ах, как правы были средневековые клирики, утверждавшие, что у актёров нет души, а есть некая пустая ёмкость внутри, в которую вливается чужая душа, в каждой роли – иная! И чем больше и «пустее» эта внутренняя пустота, тем легче заполняется она чужой сущностью, и тем талантливее

актёр.

Мы всё, посвящённые в мистификацию с переодеванием Нины и Арлекина, пия чай с ромом и болтая, исподтишка наблюдали, за развитием событий. Все кроме Полякова и Рас-тамана, те увлечённо объясняли смущённому «Николе» -Нине чувственную составляющую завлекательного ритма регги.

Мстислав Хмельчик был большим артистом и, любуясь на склонённую головку «Мики», перевоплотился в Ромео... в сердце запело: «...О, дева, блеск огнистый... в моих очах пред ней потух, пред ней, такой невинной, чистой, стыдливо-трепетной, как дух... – (это Гумилёв, вспомнил он – как там дальше?) – глаза невинно потупляя, передо мной, сомкнув уста... о! дева пламенного рая, ты – солнца юная мечта...».

И, слегка потеснив Ромео, в Мстислава вселился рыцарственный Гумилёв...

Но и профессионал в нём сидел крепко и заставил услышать реплику партнёра по сцене – Миху Подозёрова, тот вопрошал:

– Ну как именно, Слава, будем делать скульптурный портрет? Будешь мне позировать безропотно целый месяц три раза в неделю по пять часов? Буду вертеть тебя во всех 6-ти планах, изучать и лепить тебя со всех 8-ми точек, сначала из глины, а когда ты утвердишь сходство – дальше гипс, потом – что захочешь, бронза, мрамор, гранит?

Мстислав, не выпуская трепетную руку «девы», запроте-

стовал, что это, мол, очень долго, нет времени – спектакли, гастролы...

– Ну, давай тогда методом римского портрета... вот, мы только что в формовочной как раз говорили. Сейчас мы снимем с твоего лица гипсовую маску, прелестная Мика будет мне ассистировать... не бойся, не волнуйся – вставим трубочки в нос... Мика будет держать тебя за руку... всё займёт буквально 15—20 минут...

Мстислав колебался; Михаил, доставая гипс, воду и прочие принадлежности, продолжал говорить:

– Зато сходство будет изумительное, а чтобы оно не было уж совсем протокольным, как посмертная маска, – (Мстислав испуганно вздрогнул...) – я поработаю, вдохну жизнь, творчески, комплиментарно... Ну, вот – как Хижа портреты парадные создаёт, – и похоже, и красиво! Будешь молодой и гордый в мраморе или в бронзе... с твоим профилем, воистину римским, орлом смотреть будешь, именно смотреть! – знаешь, в эпоху Ренессанса двойным образом изображали глаза в скульптуре. Для героических портретов, Цезарь вот, к примеру, взгляд обозначался высверливанием отверстия на месте зрачка, иногда – двух. А вот при лепке святых или мадонны глаза, как правило, сохраняли негравированными. Так Микеланджело высек зрачки и радужки у Давида и Моисея, но оставил нетронутыми белки глаз Мадонны или статуй в капелле Медичи. Тут ведь глубокий философский и сакральный смысл заложен. Ложись, давай, помнишь, как

говорил Юлий Цезарь – «Великие начинания даже не надо обдумывать, надо взяться за дело, иначе, заметив трудность, отступишь».

В Хмельчика вошёл дух Цезаря, и он отважно согласился снять гипсовую маску. Его уложили, и Подозёров с помощью «Мики», а на самом деле, молодого скульптора Арлекина, начал священнодействовать.

Готовя и накладывая гипс, Михаил думал, что вот, похоже, Мстислав безоговорочно воспринял Арлекина в виде девушки – состоялся визуальный посыл к чувственному эротическому восприятию, мужской дух он, как бы и не учуял, хотя, конечно, Арлекин очень андрогинное создание, наверное, и женских гормонов у него в избытке... А вот Поляков (Михаил покосился на троицу, увлечённую регги), Поляков, кажется, не вполне доверяя зрительному образу, принохивается, трепеща ноздрями и слегка касаясь то локтя «Николы», то коленки, как бы случайно, мимолётно, как бы приучая к своим прикосновениям. Причём, делает это так естественно, что наивная Нина-«Никола», казалось, не замечала гомосексуального подтекста и с интересом слушала Растамана, рассуждавшего о растаманской культуре, как основе хиппизма.

Адик с Павлом продолжали свой нескончаемый спор, теперь об импрессионизме в живописи и в скульптуре, блистая эрудицией и ни в чем не соглашаясь друг с другом.

Хижа, поглядывая на процедуру накладывания гипса,

продолжал уговаривать Алёну и Цветкова поступать на дневное обучение, на Графический факультет.

Двое-трое скульпторов, учеников Подозёрова, пребывали вокруг него на лёгком подхвате и, наблюдая процесс, слушали его объяснения. Мстислав, которому было велено лежать тихо и не гримасничать, вообразил себя уснувшей Джульеттой в склепе и еле заметно дышал сквозь резиновые трубочки в ноздрях, «Мика» держала его за руку.

Тут в дверях подсобки появился оживший кладоискатель-натурщик, уже без плащ-палатки и шапки, без костяной руки и без связки сухой травы. Ему налили чаю с ромом и попросили поведать историю его кладоискательства. Он стеснительно присел на краешек стула и начал, обращаясь преимущественно к Хиже:

– Ну, у нас в коммуналке здесь, где я живу, тут, на 10-ой линии бабка-соседка, блокадница была, померла года два как, земля ей пухом. Так она про те военные блокадные времена говорила, что жил такой Лебедев, в жилом доме Киевского подворья, вот где каток теперь в церкви. И он, Лебедев этот, на продуктах был, завсклада или кладовщик, и он в голод вещи ценные выменивал у людей за кусок хлеба, а потом стал по разбомблённым домам мародёрствовать – сирена отбой ещё не воеет, а он с мешком громадным, с матрасником – по висячим обломкам, в порушенные квартиры лезет и шарит... Тут по набережной от Академии до Горного института все дома, которые вот уступами, это уже их немцы

пленные в 46-ом строили, а то все в руинах были. Это, бабка говорила, Балтийский завод обстреливали из дальнобоек, так заодно и дома рушились, рядом ведь. И вот Лебедева этого с его мешком, полным сокровищ, волной взрывной от снаряда ударило, в воронку кинуло и накрыло землёй в углу сада Академического. И... – (рассказчик перевёл дух) – соседним снарядом, кучно ведь немец бил, другим снарядом ту яму, где Лебедев был, землёй и засыпало. Он, поди, в Академию под шум обстрела пёрся пограбить, тут ведь, говорят, в подвалах академики и семьи ихние жили, с голода помирали. Говорят, он, помирая в яме, заклатье на свою голову, ну, на мёртвый труп свой успел наложить, чтобы, значит, никому не досталось, это называется – клад на мёртвую голову заговорить... Говорят, крик его был слышен из-под земли, да ненавидели его все и откапывать не стали, да и кому дело в бомбёжку-то... И вот мне втемяшилось-тка, – (он стыдливо глянул в сторону, почесал репу и, зыркнув на Хижу, продолжил). – я и стал бабку по-соседски подпаивать и расспрашивать, ну и вызнал, что в этот самый день, как засыпало, вот сегодня, то есть вчера уже... до полуночи надо копать с разрыв-травой и с мёртвой рукой... и заговор, чтобы клад показал себя и вышел, тоже у старых людей вызнал только недавно... а клад, вот поди-тка, всё уходит от меня, то не успеваю, а то помешает кто-никто... а, может, не совсем там рою... – он потупился.

– А я-то думаю, что это тот угол сада всегда расковырян-

ный такой... – промолвил кто-то из слушателей.

– А Никто – это кто? – спросил Адик.

– Никто – это Некто, в кого клад оборачивается, – подал голос Павел, – бывает, собакой чёрной покажется... надо «чур, рассыпья!» крикнуть...

– Точно, в том году была собака, а я не знал, что зачураться от собаки надо, думал от мертвяков, ну, от привидений только... – заговорил опять натурщик.

Адик, наклонившись к Хиже, тихо спросил:

– Да что он говорит такое, если даже всё правда и место то самое, разве можно за ночь одному человеку лопатой выкопать; какой глубины эта воронка может быть, метра два?... Собаки, привидения – бред...

– Так он не совсем адекватен, эпилепсия у него, а привидений и призраков, кроме Кокоринова и Козловского, здесь хватает: в 1770-каком-то году в саду пруд был, и детки 6-10-тилетние воспитанники Академии, что жили в главном здании, там, куда лестница чугунная ведёт, купались, и утонул кто-то. В Первую Мировую здесь госпиталь был, люди умирали. В блокаду, сколько от голода умерло – академиков, Библибин среди них, 12 человек профессоров – их на Смоленском похоронили, гранитная стела у братских могил там... а не профессоров, рядовых сотрудников – сколько...

Натурщик же продолжал что-то бессвязно рассказывать, а Павел комментировал, проявляя недюжинное знание народных поверий о кладах.

Хижа пресёк словоизвержение кладокопателя, отвёл его снова в подсобку и, появившись оттуда, сказал:

– Уложил его, куда он ночью, в такую погоду...

Алёна задумчиво подняла брови:

– А ведь верно, был такой Лебедев-мародёр. Мне бабушка рассказывала, они в блокаду на 20-ой линии жили, и ходили они с сестрой к этому Лебедеву в дом при церкви, угол 15-ой и набережной, дедовские золотые часы и портсигар золотой на съестное менять. Так, она говорила, у него весь коридор тёмными старинными картинами в золотых рамах был завешен; вдоль стен, как брёвна, скатанные ковры лежали, в углах прихожей серебряные канделябры рогатой горой навалены и шары серебряные из кое-как расплющенных подсвечников, и кувалда рядом, которой плющил, наверное. Их он дальше прихожей и не пустил, сам в бурках и бекеше, морда упитанная, вынес буханку хлеба и крупы кулёчек, сказал, чтобы только старинное драгоценное приносили. А у них уже и не было ничего, костюм новый дедовский не велел приносить. Да, помнится, бабушка говорила, что его действительно в воронке от снаряда засыпало с полным мешком, полосатым на матрасником на спине. Только, она говорила, что это было в Соловьёвском, ну – в Румянцевском саду, а не в Академическом.

Все помолчали, тихо звучало регги, хлопнула фрамуга, свистнул ветер, несколько лохматых снежинок залетело в щель и закружилось под песню Макси Приста – «It's the

wild World», музыку перекрыл бас Подозёрова:

– Ну вот, готово, маска благополучно снята, Слава, можешь встать, протри вот лицо одеколоном...

Все собрались вокруг стола, и Подозёров с Поляковым наконец провозгласили тост за полученный Большой Заказ, остальные загалдели пожелания и поздравления, но как-то вяло. Обещанный банкет как-то не разворачивался, наверное, из-за позднего времени и историй кладоискателя. Да и подустали все, перегорели, наверное, от обилия впечатлений и от недопития: протрезвели по дороге сюда, и добавлять уже и не хотелось...

Разговор снова вернулся к поискам кладов. Хмельчик рассказал историю из своего коммунального детства, как его топчан стоял торцом у кафельной печки, и он, взрослея и вырастая, всё сильнее пинал эту печку ногами так, что кафельные плитки стали выпадать. И это продолжалось до тех самых пор, пока дом ни пошёл на капремонт. Их семье дали квартиру, а рабочие, порушив печку, нашли в кирпичной кладке тазик с золотыми Николаевскими десятками, разругались при делёжке, и клад достался государству. Ах, запричитали мы все, как жаль, что Мстислав своевременно не пнул печку так сильно, чтобы выпали кирпичи, и ему на постель бы высыпался дождь золотых монет прямо из тазика!

– Жаль, конечно, но что касается золотых монет и кладов, – продолжил тему Хижа, – уж если и искать, то не в са-

ду, а где-нибудь в подвалах нашего Академического квартала, ведь при Академии существовал Мюнц-кабинет – собрание медалей и монет – греческих, римских, византийских, европейских и русских. Медали и монеты, редкие медальоны после революции, уже с 19-го года, начали разбазаривать по разным музеям. В 22-ом в Москву ушло, говорят, больше 150-ти опломбированных ящиков, потом кое-что вернулось в Академию, но не всё, не всё... Много ящиков было прямо из Москвы отправлено в Эрмитаж – большинство из коллекции Кушелева, завещанной им в 1862 г. Академии художеств. А драгоценная церковная утварь и иконы из академической церкви Святой Екатерины, когда её закрыли?.. – те вообще неизвестно куда подевались!

А в конце 1928 года директором был назначен некий Маслов, чинуша из Управления Профтехобразования, старые преподаватели рассказывали, что имя его стало нарицательным – с «масловщиной» связан полный разгром музея. В 30-м музей был полностью ликвидирован, коллекции частично попали в Русский музей и в Эрмитаж, а также в музеи разных городов – на юг почему-то, в Харьков и дальше, вплоть до Феодосии, даже – в Хабаровск...

А «Музей костюмов и предметов для писания *nature morte*»? Начало ему положил президент Академии Оленин, он, учредив, кажется в 1829-ом году, «Рюст-камеру или костюмную палату», подарил свою коллекцию старинного французского, японского и русского оружия, а также сокро-

вища с островов Тихого океана. Где всё это, я вас спрашиваю? Всё это таскалось взад-вперёд, пряталось, растаскивалось, терялось, забывалось, разворовывалось и, я не сомневаюсь, закапывалось... припрятывалось...

А во время войны в 42-ом году? – паковали ценности, подлежащие эвакуации. Однако из-за блокады вывезти их не удалось, и загрузили всё впопыхах под обстрелами и бомбёжками в помещениях нижнего этажа «циркуля» и в подвалах главного здания по 4-ой линии. Там же было и общежитие сотрудников, оставшихся в блокадном Ленинграде...

– А, это там, где моя монтёрская каптёрка находится... – пробормотал Цветков, Растаман и Адик наострили уши. Павел, наклонившись к ним, зашептал, что «заклятые клады» нельзя брать в руки ни в один день кроме Нового года, Пасхи и Ивана Купалы, и что, мол, на Новый год все зарытые деньги вспыхивают синим цветом. Тогда мимо клада точно не пройдешь. При себе надо иметь крест, херувимский ладан, страстную свечку и знать при этом воскресную молитву, материться же нельзя ни в коем случае...

А еще один особо любимый кладоискателями день – 23-е мая – день Святого Симона Зилота. Он – покровитель кладоискателей – повествовал Павел – заговорённая же колдовская ограда показывается искателю сначала железной цепью, потом забором из костей, а ещё перед ним появляются жуткие видения. Потом в его речах среди мистики прозвучало что-то и про металлоискатель. Похоже, из этих четверых

могла бы сложиться дружная команда кладоискателей.

Уже была глубокая ночь, ветер стал потише.

– Ну, похоже, до Полтинникова мы сегодня так и не дошли – Хижа поднялся из-за стола – напоминаю, завтра суббота, у вас факультатив с Петровой на пленэре в Румянцевском саду, в воскресенье – наброски. После набросков, если сложится, пойдём к Полтинникову. Поучитесь, как он карандашные портреты – эскизы к картине делает, ещё – ему натурщики для большого юбилейного полотна нужны, ну, я говорил уже, может кому-то из вас предложит, подзаработаете. Павел, а? А сейчас – пошли по домам, или кто куда; мосты-то уже не разводятся?.. или?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.